

Интегрируемая задача
9.10.59.

ПРЕДСЕДСТВОВАЛ
ТРЕБУНА

ДОРОГИ ДЛИННОЮ В ГОД...

Л. МАЛЮГИН

КОГДА драматург пишет пьесу, он находится в окружении живых людей — персонажей будущего произведения, он слышит их голоса, они не дают ему покоя ни днем, ни ночью.

Но вот пьеса окончена — живые люди стали действующими лицами. А кто же будет их исполнять?! В какой театр нести свое детище? Есть счастливые, вроде Рязова, у которых есть свой постоянный театр — родной дом. Впрочем, много их еще таких счастливых!

Поразмыслив, драматург отправляется в театр, который, по его предположениям, может поставить пьесу раньше других.

Завтра прочитывает пьесу сравнительно быстро:

— У меня есть ряд замечаний, — говорит он, — но в целом мне ваша пьеса понравилась...

Оценка приятная, но чувство бесловности не покидает драматурга, — заметил подчеркивает слово «иные», и обе стороны отлично понимают, что положительная оценка ничего не означает, завал по речам вопроса о принятии пьесы. Пьеса идет к директору — у того обязанности больше, чем у завланта. Встреча с ним происходит через более продолжительный срок:

— У меня есть замечания, — говорит директор, — она не во всем сходится с замечаниями завланта, но пьеса мне понравилась...

Директор тоже делает узарение на слово «иные», и пьеса направляется главному режиссеру.

— Пьеса мне понравилась, — говорит он, — но я один этот вопрос решить не могу.

Драматург считает, что именно главный режиссер или директор должны, наконец, решить этот вопрос, но деликатно спрашивает:

— Будем обсуждать на художестве?
— Это впоследствии, — говорит главный режиссер, — у нас теперь есть специальная репертуарная комиссия — для помощи драматургам. Пусть они тоже почтают. Как говорится: ум — хорошо, а два — лучше.

Скоро драматург убеждается в том, что весь коллектив театра возложен в работу над его пьесой. Все одержимы благородным стремлением помочь ему улучшить свое произведение, все предлагают свои замечания. Никто не хочет решать, но все рвется посоветовать. Драматург с тоской вспоминает слова о том, что если младенец подвержен в руках сто человек, даже в самых нежных руках, — младенец умирает...

Драматургу давно бы уже следовало заехать за новую пьесу, но где там, он ходит в театр, как на службу.

НАША общественность долго боролась за уничтожение инстанций в производстве пьес, за ликвидацию посредников между автором и театром. Театрам предоставлена самостоятельность в формировании репертуара. Но одна инстанция ликвидирована, а другие родились уже в самих театрах...

В «Вечерней Москве» была напечатана статья директора Театра имени Ермоловой С. Виттинского и зав. частью М. Вертенсона. В ней рассказывалось о том, какая мощная и разветвленная организация создана в театре для рассмотрения пьес. В работе о авторах принимало участие и руководство театра, и литературная часть, и художественный совет, и отдельные актерские группы, которые числятся в резерве и выступают в действии, как поль-

но показываются на горизонте новые пьесы.

По мнению авторов статьи, такая организация должна застраховать театр от произволения на его сцену слабых пьес. Однако невозможно думать о том, что эта система, напоминающая грубо-инженерную оборону, протрачивает путь на сцену не только плохим, но и не плохим пьесам.

Года два назад в одной статье я приношу фразу во вчерашнего директора театра: — Мы теперь пьесы должны ставить только наперевал!

Видно, для работы наперевал и придумана эта громоздкая бюрократическая система общения с авторами...

С такой организацией дела можно было бы примириться, если бы она давала хотя бы удовлетворительные результаты. Но ведь Театр имени Ермоловой, когда-то славившийся творческими воплощениями современной темы, в последние годы воскресил пьесы «Мольба о жизни» и «Пасный поворот», давно уже забытые даже у себя на родине. Говорят о спектаклях на современные темы, а говорят тем временем «Всадника без головы»...

Совет — орган совещательный, он советует, рекомендует, а решать должен руководитель. Но нередко в наших театрах можно увидеть обратную картину: директор рекомендует художеству пьесу и жлет, чтобы тот принял решение. Все это прикрывается хорошими фразами о демократичности, коллективном мнении. Но мечтает в глубине души такой руководитель об одном — чтобы на пьесу появилась резолюция: принята единогласно. Но ведь единогласное и безоговорочное признание получают только произведения совершенные, безупречные, а они появляются, к сожалению, не так часто. Достаточно раздаться одному-двум голосам против пьесы, как нерешительный директор уже настораживается. Он, правда, не отвергает пьесу, но он и не принимает — и в таком промежуточном положении пьеса живет месяцами.

Пьесы в наших театрах читаются нередко дольше, чем пишутся. Читаются, обсуждаются, дорабатываются... Путь их репертуарной части на сцену — это дорога длиною в год, как минимум, причис из этого года меньше всего времени тратится на подготовку спектакля.

Театр один из самых оперативных видов искусств. Но сейчас он забывает о такой важной для искусства вещи, как фазы времени. Никто не вспоминает в театре о «фазах дистанция», но дороги длиною в год — разве это не тот же пафос дистанция?

В театрах нередко говорят с гордостью: мы ставим пьесу молодого автора, коллективно работаем над пьесой. Вот эта коллективная работа над пьесой, и прежде всего молодого драматурга, является серьезным бедствием. Начинаящий автор легко соглашается на все переделки — ему, естественно, хочется увидеть свою пьесу на сцене. И при этом не замечается, что острая ситуация, предложенная режиссером, взята не из жизни, а из только что поставленной пьесы, а религия, подделанная актером, удачна, но не выжита с характером персонажа. Все удастия спектакля одержимы желанием улучшить пьесу, и иной раз она даже улучшается. Но, иной раз пьеса, выходящая от недостатков, утрачивает и достоинства, и самое главное — самобытность автора.

Я не хочу призывать к снижению требовательности, но думаю, что далеко не каждую пьесу нужно стремиться превратить в совершенное произведение. Когда Центральным летский театр ставил первую — слабую — пьесу В. Рязова «Ее друзья», вероятно, он отчетливо видел ее недостатки. Но он не улучшал ее, а поставил в том виде, как она написана драматургом. Он видел будущее пьесы писателя и не обманулся в своих ожиданиях и надеждах...

Директор Калининского театра Е. Ботвинников рассказывал, как их коллектив отверг пьесу Н. Вирты «Далм негодяйные». Директор, по его словам, не хотел администрировать. Он повел группу артистов в Москву на спектакль Театра имени Моссовета. Протвоник пьесы признал свое невезение. Ну, а если бы не пьеса Моссовета, руководила театром не по соседству с Москвой, а, скажем, в Мурманске или в Иркутске? А если бы этого спектакля не было в Москве или Театр имени Моссовета поставил плохой спектакль?!

Фраза «мы теперь пьесы должны ставить только наперевал» противоречит самой природе искусства, в котором все пьесы и открытия связаны с терзаниями, исканиями, риском. Считается, например, что моя пьеса «Старые друзья» имела счастливую сценическую судьбу. Но это не совсем так. Пьеса была написана для студии Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького. На художественном совете театра она вызвала единодушную отрицательную оценку. «Старые друзья» никогда бы не увидели света, если бы о них не узнал случайно прежний директор Театра имени Ермоловой М. Вилков. Пьеса ему понравилась, понравилась она и режиссеру А. Лобанову, но группа отнеслась к ней весьма сдержанно. Пьеса выходила на сцену, преодолевая многие трудности. Можно ли представить себе, чтобы все это происходило при желании работать «только наперевал»?

Работы, осторожности, перестраховке подвержены руководители многих наших театров. Без в том, что они панически боятся неудач. Конечно, при исканиях, при пьесе неудачи возможны, мало того, они неизбежны. Но стоит ли их так панически бояться?!

Художественный театр начиная с левизнянского риска — он ставил «Чаю», пьесу, скажало проважившуюся на сцене лучшего театра России. Молодые, неопытные актеры рисковали вызвать на соревнование крупнейших мастеров Александринского театра. Номирович-Дачанко и Ставсазский рисковали своим любимым писателем, ибо после отпора неудачи Чехов уже наперняка не попал бы ни одной пьесы.

Товстоногов считается удачливым режиссером. — у него, дескать, все легко получается. Но разве не рисковал он, ставя «Оптимистическую трагедию», пьесу, которая считалась устарелой, неинтересной для сегодняшнего зрителя?.. Разве не рисковал он, руководя постановкой комедии Брона «Второе дыхание», которая десять лет лежала под сценой? Я думаю, что выданный драматург мечтает работать с Товстоноговым, потому что он все время шлет, дергает. При этом и он не застрахован от неудач. Так, в получившее сценическое прочтение комедии «Безымянная звезда», а некоторые постановки Большого драматического театра даже не увидели света. Но он ищет, рискует, не боится ошибиться.

Люди, которые в искусстве действуют осторожно и наперняка, может быть, редко ошибаются, но они еще ни разу не одержали добычу!